

Проблемы управления развитием городов сегодня носят комплексный и разносторонний характер. Это подразумевает обращение к наиболее общим закономерностям природы, социума и человека, т. е. к методам философии. В статье показана связь между взглядами Платона и мировоззрением модернизма, между философскими взглядами Зенона Элейского и постмодернизмом. Каждый из этих подходов, будучи применен последовательно и в полной мере, приводит к весьма спорным и неоднозначным результатам. Сделан вывод о необходимости соблюдения баланса при поиске философской основы каждого архитектурного решения.

Ключевые слова: архитектура; урбанистика; философия; Платон; элейская школа; модернизм; постмодернизм. /

Today's problems of urban development management are extremely complex and diverse. This implies an appeal to the most general laws of nature, society and man, that is, to the methods of philosophy. The article shows the connection between Plato's views and the worldview of modernism, between the philosophical views of Zeno of Elea and postmodernism. Each of these approaches, when applied consistently and fully, leads to very controversial and ambiguous results. It is concluded that it is necessary to maintain a balance when searching for the philosophical basis of each architectural solution.

Keywords: architecture; urbanism; philosophy; Plato; Eleatic school; modernism; postmodernism.

Прошлое и будущее философии города / The past and future of urban philosophy

текст

Константин Лидин

Минск (Беларусь)

Алексей Буйнов

Национальный

исследовательский

Московский

государственный

строительный университет

text

Konstantin Lidin

Minsk (Belarus)

Alexei Buinov

National Research Moscow

State University of Civil

Engineering

Философия города – что это и зачем?

Словосочетание «философия города» сегодня выглядит несколько экзотично и встречается не так часто, особенно в русскоязычном интеллектуальном пространстве. Философия, казалось бы, витает в слишком высоких сферах, чтобы соприкасаться с конкретикой жизни города. Город – это бетон и камень, транспортные потоки и бытовые отходы – все это выглядит максимально далеко от той интеллектуальной стратосферы, с которой принято отождествлять философию.

Пересмотр этой точки зрения, по-видимому, начался в 1968 году, когда в самых разных регионах мира одновременно вспыхнули городские беспорядки. Студенческие бунты в Париже, «рассерженные молодые люди» в Лондоне, антивоенные мятежи хиппи и забастовки в США, Пражская весна и Марш ста тысяч в Рио-де-Жанейро, молодежные выступления в Турции и Японии – все это показало, что в развитии городов назрели такие проблемы, которые не поддаются решению в оперативном или хотя бы тактическом режиме [1].

Несколько позже оказалось, что целый ряд проблем развития городов не может быть решен (или хотя бы рассмотрен) в рамках какой бы то ни было конкретной дисциплины. Не только администраторы и политики не понимали причин и движущих сил молодежных бунтов. Социологи, психологи, экономисты выглядели такими же растерянными, традиционные методы социально-экономического анализа не работали.

Объявленное Анри Лефевром «право на город» не поддается анализу, пока мы остаемся внутри социологической парадигмы. Социологи не дают определения горожанства, а между тем миграционные процессы нарастают. Имеют ли иммигранты такое же право на город, как и его постоянные жители? Ответа нет, вернее ответов множество, как и точек зрения на то, кого и в какой мере можно считать гражданином города. Разногласия в этом вопросе слишком болезненно сказываются на реальной политике [2].

Экологи пытаются осознать, что происходит со средой обитания внутри городов, но останавливаются из-за отсутствия базового определения: что же такое город? Какие параметры отличают город от не-города – плот-

ность населения, численность жителей, уровень биоразнообразия, состав биоценозов?.. [3]

Экономисты строят модели ресурсных потоков, но сталкиваются с процессами, для которых непонятны ни причины, ни закономерности протекания. Стремительная урбанизация в глобальном масштабе, а особенно возникновение гигантских агломераций, мегаполисов и мегалополисов с точки зрения классической экономики выглядит таинственно и почти мистично. Почему крупные города стремительно росли на протяжении десятилетий, но в начале текущего века их рост замедлился, зато стали образовываться гигантские, на сотни километров зоны сплошной урбанизации? [4].

Примеры можно продолжать, но все они ведут к одному: реальность развития современного города ставит множество проблем, которые требуют рассмотрения именно на уровне самых общих законов, одновременно учитывающих и природные, и социальные, и психологические аспекты, т. е. законов философских.

Заметим, что здесь мы возвращаемся к первоначальному значению слова «философия»: область знаний (наука) о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления [5]. Такое определение базируется на двух существенных допущениях:

- существуют некие законы, которым подчиняется развитие и природы, и социума, и мышления;
- эти законы равно применимы для всех трех перечисленных областей.

Допущения эти могут показаться банальными, но это не совсем так. Множество людей на каждом шагу демонстрируют убежденность в том, что любой закон можно обойти, перехитрить, да и вообще, нет никаких законов – есть только личные мнения. «Болезнь релятивизма» особенно глубоко поразила сферу гуманитарных наук [6].

Между тем трудно найти область, в которой именно философские законы играли бы более значительную роль, чем архитектура. Синтетический характер архитектуры определяет ее положение на перекрестке естественных наук (физики, химии, математики) и наук социальных (экономики, логистики, социальной психологии). Именно это делает философию необходимым рабочим инструментом архитектора, даже если сам архитектор, будучи

< Внутренний дворик
Исторического квартала
в Красноярске. Чисто,
аккуратно... и безлюдно

сугубым практиком, этого не осознает. Рассмотрению феномена «бессознательной философии» в архитектуре посвящена наша статья.

Античные корни. Чары Платона против апорий Зенона

Почти любое явление в западной философии имеет отправной точкой диалоги Платона. Платоновский тезис о существовании «мира эйдосов», идеальных и неизменных прототипов материальных предметов, лежит в основе научной картины мира. Понятия массы, скорости, энергии, информации сами по себе являются платоновскими «эйдосами». Они лишены случайных, индивидуальных черт, они существуют вне времени, и с точки зрения науки все реальные конкретные явления лишь отражения вечных отношений между эйдосами. Знаменитая метафора из десятой книги «Государства» гласит, что материальный мир есть лишь череда теней на стенах пещеры. Настоящая реальность, освещенная солнцем разума, расположена снаружи, и это реальность эйдосов. Эта же метафора лежит в основе научного мировоззрения, согласно которому любое явление есть лишь частный случай проявления вечных законов математики, физики, химии...

Философия города не составляет исключения, она также опирается на мысли Платона. Идеи справедливого государства он сформулировал в одном из самых значительных, обсуждаемых и комментируемых диалогов – в «Государстве». Важно заметить, что рассуждения Платона относятся к античному полису, в основном – к крупной метрополии типа Афин или Спарты. Для Платона понятия государства и города были идентичными. Город (он же государство) – это сообщество людей размером в несколько тысяч человек и не больше. В таком сообществе люди хорошо знают друг друга, о каждом имеется устойчивое общественное мнение, и все дееспособные граждане могут быть собраны на агоре для всеобщего прямого голосования.

Платон проводит знаменитую аналогию между городом (полисом) и человеком, в котором борются три начала. Низшее, животное начало – влечения (вожделения). Когда в душе человека или в управлении городом пре-

обладают вожделения, возникает самая отвратительная форма управления городом – тирания.

Среднее положение занимает воля, пламенное воодушевление. Владычество воли порождает форму правления под названием «демократия», власть большинства. Демократия неустойчива и склонна «сползать» в тиранию, но под мудрым руководством честных правителей может остановиться на олигархии – владычестве богатых, промежуточному варианту на полпути между вожделиями и волей.

Божественное начало в человеческой душе – разум, способность предвидеть последствия своих поступков и нести за них ответственность. Форма правления, в которой соединяются власть воли и власть разума, называется тимократией – это правление лучших семей, передаваемое по наследству.

Наконец, высшая форма устройства города – аристократия, при которой жизнью города управляют победители специальных экзаменов. Все пять форм правления Платон выводит из тезиса о том, что люди изначально разные. Когда боги создавали людей, то к одним они подмешали золото, к другим – серебро, медь или железо. Город, в котором правят «золотые люди», – это Каллиполис, город справедливый, сильный и счастливый [7].

Очевидно, градостроительный принцип, следующий из системы Платона, это принцип стратификации и сегрегации. Если люди изначально различны, то и кварталы их компактного проживания будут устроены различным образом. Тиранические кварталы будут царством хаоса и беззакония, демократические – средоточием анархии и личной «свободы» (понимаемой как отсутствие ответственности человека перед обществом). Олигархические фрагменты города – это богатые особняки и дворцы в окружении скромных жилищ слуг, а тимократические и аристократические части города – это прекрасные гармоничные ансамбли, воплощение идеалов справедливости и умеренности.

Не обязательно быть философом, чтобы увидеть идеи Платона, лежащие в основе модернизма. Модуль и сборный железобетон – это те самые эйдосы вне времени и пространства, равно оптимальные для любой страны,

> Проект реконструкции здания Музея бундесвера, Дрезден. Ателье Даниэля Либескинда, 2011

любого климата и любой эпохи. Панельные многоэтажки – для массового потребителя. Элегантные особняки и капеллы – для элитного заказчика. Такие рецепты в идеологии Ле Корбюзье и его последователей объявлены вечными и универсальными.

Противоположная философия города вырастает из мировоззрения элэатов. Труды их родоначальника, Парменида, дошли до нас в виде немногочисленных отрывков. Гораздо более известны философские построения в форме притчи – апории («затруднения» или «тупики» по-гречески) – Зенона Элейского. Ахиллес никогда не догонит черепаху, летящая стрела неподвижна, а если взять палку и каждый день отрезать от нее половину, то этот процесс не кончится никогда. Из всего этого делается вывод: нет ни времени, ни пространства, не существует вообще никакой «объективной реальности». Существует только неподвижное и неделимое Бытие и человеческие представления о нем, причем у каждого – свои. Мир таков, каким я его мыслю, а если кто-то мыслит его по-другому – что же, значит, у него другой мир.

Архитектурным воплощением философии элэатов является ничем не ограниченная эклектика. Каждый горожанин имеет право построить себе такой дом, какой ему захочется, даже если это строение разрушает исторически сложившийся ансамбль. Точно так же другой горожанин, у которого нет денег на постройку своего дома, может расписать любой фасад граффити в стиле панк и т. д. Надо заметить, что состояние многих современных городов в полной мере иллюстрирует практическое применение философии Зенона, и это не случайно. Философия элэатов составляет корень многих урбанистических теорий Нового и Новейшего времени – начиная от идеологии «открытого общества» Карла Поппера [8] до моделей «инклюзивного города» Анри Лефевра и его последователей [9].

Очевидно, за последующие двадцать пять веков каждая философская система Античности развилась и усложнилась, обзавелась множеством вариаций и трактовок, так что современная философия города демонстрирует широчайший спектр возможностей для поисков смысла в каждом конкретном архитектурном проекте.

Отношение к культурно-историческому наследию – один из вопросов, в которых антагонизм философских систем проявляется наиболее острым образом. Вроде бы ценность такого наследия не подлежит сомнению. Но в чем именно заключается эта ценность, можно ли (и нужно ли) ее измерять, что на практике означают слова «сохранение наследия» – все эти вопросы носят, очевидно, философский характер.

Платоновская традиция составляет основу подходов, заключающихся в музеефикации архитектурно-исторического наследия. Ценность объекта определяется его сходством с эйдосом. Культурное наследие это собрание объектов, максимально близких к вечному идеалу. Нельзя допустить никаких изменений объектов наследия, так как любая перемена может исказить идеальный образ. В меняющейся среде современного города консервация объектов наследия должна включать изоляцию от этой среды. Немного мешают люди, так что их надо решительно отделить от объекта наследия – пусть смотрят издали и ничего не трогают руками.

Традиция элейской школы отрицает существование объективной ценности культурного наследия (впрочем, как и существование какой-либо другой объективной реальности). Наследие – это то, что люди считают таковым. Если объект есть в списке наследия, значит, он и есть наследие, а если вычеркнут из списка – он уже не представляет никакой культурной или исторической ценности. К тому же с любым наследием можно играть, трансформировать его, переосмысливать и тиражировать, ведь ценность его первоначального облика является всего лишь чьим-то мнением.

Легко заметить, что оба подхода выглядят, мягко говоря, небесспорно. Какой же вывод можно сделать из этого наблюдения? Вывод прост: не надо искать оптимального подхода к работе с культурным наследием в плоскости разума и логики. Неукоснительное, логически безупречное следование любой философской парадигме приводит на практике к печальным результатам. Только использование внелогических, интуитивных подходов может быть основой для действительно гуманного, справедливого и во всех смыслах эффективного отношения к культурно-историческому наследию наших городов.

< Здание Музея бундесвера после реконструкции. Клинообразная пристройка «прорывает» фасад. По замыслу авторов проекта это должно было символизировать агрессивный характер и противоречивую, полную контрастов историю немецкой армии

Примеры из практики. Красноярск и Тобольск

Вряд ли есть необходимость много говорить о том, как постмодернизм обходится с историко-культурным наследием. Даже самые талантливые и образованные мастера видят в исторических зданиях только материал для своих экспериментов в духе «открытого общества». Приведем только один пример: реконструкция здания Военно-исторического музея в Дрездене (студия Даниэля Либескинда, 2011). Здание, построенное в семидесятых годах XIX века, было арсеналом дрезденского гарнизона, затем в нем разместился Королевский музей саксонской армии, затем – Музей армии ГДР. После объединения Германии правительство долго не знало, что делать с этим памятником истории, пока студия Либескинда не выиграла конкурс на переосмысление объекта. Теперь в здании снова размещен музей бундесвера. Как указано в сопроводительной записке к проекту, «открытость и прозрачность фасада призваны контрастировать с непрозрачностью и жесткостью существующего здания. Последнее представляет собой суровость авторитарного прошлого, тогда как первое отражает прозрачность военных в демократическом обществе. Взаимодействие между этими перспективами формирует характер нового Военно-исторического музея». Для того чтобы разрушить образ «сурового авторитарного прошлого», фасад разрезан неправильной трехмерной конструкцией, которая полностью уничтожает классическую симметрию и пропорции.

Но перейдем к более близким примерам.

Одну из границ Исторического квартала в Красноярске формируют шесть зданий вдоль улицы Горького. Все здания были отреставрированы в 2017–2021 годах с большой любовью и тщательностью. Там действительно есть чем гордиться: здания были восстановлены редкостным методом перебора, т. е. каждый сруб разобрали, каждый элемент пронумеровали, вывезли на рабочую площадку и обработали, а потом вернули на место и снова собрали. Поврежденные фрагменты очистили и заменили, причем везде, где возможно, соблюдались старинные способы обработки древесины, металла, окраски, и даже бумажные обои были специально изготовлены по традицион-

ным рецептам. Недостающие элементы декора и фурнитуры приобретались по всей России [10].

Но вот что странно: ни зимой, ни летом рядом с реставрированными объектами нет людей. Шесть зданий стоят в ряд и выглядят нарядно и изящно, но почему-то не притягивают человеческий поток – в лучшем случае только отдельных прохожих. Может быть, музеефикация здесь зашла слишком далеко, и тщательно отреставрированные фасады не смогли вдохнуть в здания полноценное ощущение жизни и смысла?

Совсем другое впечатление производит Пешеходная улица в историческом центре Тобольска, берущая свое начало от сквера Александра II с домом, где прожила последний свой год семья императора Николая II. Улица соединяет два знаковых общественных пространства – Александровский сквер и Базарную площадь, два места притяжения, причем каждое из них имеет явный потенциал к усилению этого притяжения.

в Исторический квартал в Красноярске. Шесть исторических деревянных зданий восстановлены с поразительной точностью, вниманием к деталям и скрупулезностью. Тем не менее квартал не пользуется любовью горожан. В любое время возле него мало людей – только случайные прохожие

> Пешеходная улица в Тобольске. Несмотря на то, что значительная часть зданий вдоль улицы находится в разной степени руинированности, люди вовсе не избегают прогулок по этому променаду

v Пешеходная улица соединяет два разнородных «полюса» – место исторической памяти (Александровский сквер) и торговую Базарную площадь. Возможно, именно «разность потенциалов» этих мест способствует формированию человеческого потока

Возможно, именно расположение улицы между двумя площадями – одна историческая, а другая торговая – создает своеобразную «разность потенциалов», а с ней и человеческий поток, но здесь люди присутствуют постоянно, они движутся в обоих направлениях и создают сильное впечатление живого места.

Сейчас эта система не работает в полную силу, так как половина зданий вдоль улицы являют собой руинированные остовы, поросшие бурьяном. Однако потенциал этих пока неотреставрированных строений очевиден – качество и масштаб архитектуры, престижность места и дух истории. При наличии инженерных сетей коммер-

санты будут бороться за право разместить здесь свой бизнес, свои сервисы, кафе и магазины, галереи и музеи частных коллекций на этом пешеходном променаде.

Разумеется, для этого еще многое нужно будет сделать. Необходима поддержка как на государственном, так и на местном уровне. Предстоит создать некий регламент, правила существования этих кварталов, которые не позволят нарушать равновесие между культурными и коммерческими смыслами – от буйства рекламы, уплотнения застройки, появления чужеродных элементов и т. д. Но уже сейчас можно заметить, что Пешеходная улица – это место, где история и архитектура, коммерция и культура объединяются как повседневная часть жизни сообщества, которая является центральной для чувства принадлежности.

В рамках той работы (которая охватила, очевидно, большую, чем один квартал, часть города, находящегося в поисках обновленной идентичности) авторам удалось создать эту самую идентичность путем улучшения и перепланировки существующей, на тот момент почти «мертвой», территории. Результат – общественное пространство, которое приглашает людей остаться на некоторое время и пообщаться, при этом площади выступают в качестве связующих звеньев между историческим центром и основными функциональными узлами города в целом. Пространственная и объемная открытость архитектурно-планировочных решений приглашает местное сообщество и гостей города войти в это гармоничное пространство, где в игре света и геометрических текстур они найдут отсылки к старым традициям.

Заключение

Любое архитектурное решение отражает и выражает философию своего автора. Большого мастера всегда можно узнать по тому, что его мировоззрение устойчиво и последовательно, его жизненная философия непротиворечива. Слабый человек может отказаться от своих взглядов под давлением моды, прихотей заказчика или чиновников, и результат всегда можно распознать по ощущению внутренней неуверенности, непоследовательности и неискренности. «Творчество» под девизом «Чего изволите?» – это всегда обман.

> Пешеходная улица в Тобольске заканчивается (или начинается) Базарной площадью. Вопреки меркантильному предназначению, площадь используется и для культурных событий. По выходным на ней происходит бесплатный показ советских кинофильмов под открытым небом

Современные средства визуализации позволяют на любой стадии проектирования получить облик будущего объекта и сопоставить его с той философской концепцией, которую уже выражает культурно-историческая среда места. Компьютерные методы проектирования позволяют сделать любое количество промежуточных вариантов с любой степенью детализации, исследовать реакцию горожан на будущие изменения городской среды, узнать мнение широкого круга будущих «пользователей» объекта. Но для этого надо поставить себе именно эту цель – не обоснование уже принятого проектного решения, а честный выбор оптимального варианта. Только тогда появляется шанс нащупать равновесие между платоновским стремлением к абсолютному совершенству и элеатским беспредельным релятивизмом. Культурное наследие (в тех случаях, когда оно не искажено позднейшими модификациями) убедительно доказывает: равновесие возможно, его много раз достигали архитекторы в прошлом, и будут достигать следующие поколения зодчих.

Городское пространство – это не пустота, оно насыщено смыслами, и мастерство архитектора заключается в том, чтобы понять и почувствовать эти смыслы, прожить их «через себя» и найти им современную форму. Тогда получается сильное решение, и люди – жители и гости города – с благодарностью его принимают.

Разумеется, поднятый нами вопрос никак не сводится к противостоянию двух (даже самых авторитетных) философских школ античности. В наших последующих статьях мы планируем продолжить обсуждение этой непростой, но актуальной темы.

Литература

1. Вайнец, Р. Долгий '68. Радикальный протест и его враги. – Москва : Альпина Нон-фикшн, 2020. – 575 с.
2. Meagher, S. M. Introduction, *Philosophy and the City: Classic to Contemporary Writings*. – Albany: State University of New York Press, 2008. – P. 1–10.
3. Epting, S. Intra-Disciplinary Research as Progress in Philosophy: Lessons from Philosophy of the City // *Philosophia*. – 2016. – Vol. 44 (1). – P. 101–111.

4. Lakshmanan, T. R., Anderson, W. P., Song, Y. *Knowledge Economy in the Megalopolis*. – Routledge, 2015. – 225 p.
5. Кузин, В. И. Что такое философия? // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 1, ч. 1. – С. 11–34.
6. Лекторский, В. А., Автономова, Н. С., Абрамова, Н. Т. Релятивизм как болезнь современной философии. – Москва : Канон+, 2015. – 392 с.
7. Платон. Государство / пер. с др.-греч. А. Н. Егунова ; 3-е изд. – Москва : Акад. проект, 2021. – 398 с.
8. Поппер, К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 1 : Чары Платона. – Москва : Феникс ; Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
9. Urban revolution now: Henri Lefebvre in social research and architecture, edited by Lukasz Stanek, Christian Schmid and Ákos Moravánszky. – Abingdon-on-Thames: Routledge, 2014. – 368 p.
10. Маньякина, В. Исторический квартал в Красноярске // TATLIN plan. – 2022. – № 39.

References

- Epting, S. (2016). Intra-Disciplinary Research as Progress in Philosophy: Lessons from Philosophy of the City. *Philosophia*, 44(1), 101–111.
- Kuzin, V. I. (2023). What is Philosophy? *Ideas and Ideals*, 15(1-1), 11–34.
- Lakshmanan, T. R., Anderson, W. P., & Song, Y. (2015). *Knowledge Economy in the Megalopolis*. Routledge.
- Lektorsky, V. A., Avtonomova, N. S., & Abramova, N. T. (2015). *Relyativizm kak bolezn' sovremennoi filosofii [Relativism as a disease of contemporary philosophy]*. Moscow: Kanon+.
- Manyaikina, V. (2022). Historical quarter in Krasnoyarsk. TATLIN plan, 39.
- Meagher, S. M. (2008). *Introduction, Philosophy and the City: Classic to Contemporary Writings*. Albany: State University of New York Press.
- Plato. (2021). *Republic* (A. N. Egunov, Trans.) (3rd ed.) Moscow: Akad. projekt.
- Popper, K. (1992). The spell of Plato. In *The open society and its enemies. In 2 vols.* (Vol. 1). Moscow: Phoenix ; International Fund 'Cultural Initiative'.
- Stanek, L., Schmid, Ch., & Moravánszky, Á. (Eds.). (2014). *Urban revolution now: Henri Lefebvre in social research and architecture*. Abingdon-on-Thames: Routledge.
- Vinen, R. (2020). *The Long '68: Radical protest and its enemies*. Moscow: Alpina Non-fiction.